I. Rozprawy i analizy

DOI: 10.17951/et.2019.31.41

Ирина Александровна Седакова
ORCID: 0000-0002-9252-5407
(Москва, РАН)

Память народно-культурной традиции в современном ритуальном дискурсе[1]

Pamięć jest jednym z konceptów najczęściej używanych we współczesnym dyskursie zarówno rosyjskim, jak i bułgarskim. Traktowana jest jako najwyższa wartość w wymiarze indywidualnym i zbiorowym, jako nieodłączna cecha humanistycznego, intelektualnego i duchowego rozwoju społeczeństwa. W artykule szczególną uwagę poświęcono badaniom folklorystycznym i etnograficznym oraz rozpatrzono podstawowe procesy, w których pamięć tradycji ludowej traktowana jest jako wartość społeczno-kulturowa. Na materiale rosyjskiej i bułgarskiej kultury szczegółowo przeanalizowano powody wariantywności pamięci i problem wybiórczości materiału faktograficznego podczas rewitalizacji. Na przykładzie obrzędów kalendarzowych i związanych z upamiętnieniem zmarłych zbadano podstawowe modele aktualizacji pamięci ludowej (modyfikacja starych i powstawanie nowych tradycji) oraz fakty związane z komercjalizacją pamięci (atrakcje turystyczne, show i widowiska).

Słowa kluczowe: pamięć; upamiętnienie zmarłych; etnolingwistyka; kultura ludowa; święta; prawosławie; Facebook; Rosja; Bułgaria

Вступление

Память – один из самых частотных концептов, фигурирующих в современном дискурсе в России и Болгарии; это высшая индивидуальная

[1] Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472–LED-SW).

и общественная ценность, неотъемлемая черта гуманистического, интеллектуального и духовного развития общества. Напротив, беспамятство, перечеркивание прошлого, «Иваны, родства не помнящие» несут отрицательные коннотации. «Память – драгоценное сокровище человека, без нее не может быть ни совести, ни чести, ни ума», – писала Лидия Чуковская.

Лексика, которая соотносится с данным концептом, в русском и болгарском языках по происхождению общеславянская: *память* (болг. *памет*), образована от *pā* и *mẹt*, последнее родственно др.-лит. *mintis* «мысль, суждение», инд. *mānyate*, *manutē* «думает, помнит» (БЕР: 33; Фасмер: 633). Семантика ума сохраняется в лексике памяти, ср. болг. диал. *паметен* – «умный», серб. *памет* «ум, разум, здравый смысл», словен. *pamet* «здравый смысл». В болгарском языке ‘помнить’ в различных глагольных конструкциях означает умственную деятельность, осознание/неосознание своих или чужих поступков. Так, *помни ми се* (диал.) кроме значения, сходного с рус. *мнится*, означает и «думаю» (БТР, с. v. ***Помня***), ср. рус. *без памяти* «без сознания»[2]. Соотношение «память – ум» весьма существенно и для патриархальной, и для современной картины мира.

XX век дал печальный опыт отказа от прошлого, забвения значительных фрагментов родовой, общественной и культурной памяти. Во многих семьях в России дальше третьего поколения родственников не знают. Идеология диктовала забвение родных или даже отказ от них; исторические и культурные факты уходили в небытие, значительно модифицировались.

Начиная с 1990-х годов в постсоциалистических странах идет процесс возвращения фактов, исторических мемориальных событий, которые замалчивались и скрывались долгие годы (Михайловска 1999). Так, ежегодная гражданская акция памяти жертв политических репрессий «Возвращение имен», впервые прошедшая 29 октября 2007 года в Москве у Соловецкого камня, теперь прочно вписана в городской ритуальный календарь многих городов России. Деятельность самых разных организаций и фондов связана с памятью и преодолением забвения; укажем здесь международное историческое общество «Мемориал». Известны индивидуальные инициативы, призванные сохранять память и способствовать популяризации исторических сведений. К таким инициативам относится, например, волонтерский проект Михаила Мельниченко «Прожито» (www.prozhito.org), который представляет собой текстовый корпус дневников и мемуаров разных лет. Научно-исследовательские проекты по

[2] Интересно, что словообразования от *помнить* могут обозначать антонимические действия – и запомнить, и забыть (Толстая 2009: 77–85).

консервации памяти также получают значительную поддержку – в них участвуют люди, которые желают поделиться своими воспоминаниями и знаниями о прежних годах (см. «Москва. Историческая память города» и одноименный проект на сайте www.pastandnow.ru). В социальных сетях создано немало групп и страниц, которые апеллируют к памяти об определенном историческом периоде, личности, месте, явлении (болгарский сайт «Спомени от Народната република», страницы на Facebook «Память о ГУЛАГе» и др.). Разным аспектам памяти посвящены научные конференции и семинары, на эти темы читаются публичные лекции. Многие ученые, писатели, журналисты, блогеры рассуждают о том, что такое историческая память. Мария Степанова опубликовала книгу-романс «Памяти памяти» (Степанова 2017), целиком построенную на рефлексии об устной и письменной памяти, о визуализации воспоминаний. Это произведение получило в 2018 году престижную Национальную литературную премию «Большая книга».

Память занимает важное место в повседневной жизни, что особенно заметно в социальных сетях. Неслучайным кажется тот факт, что усовершенствование функций Facebook и многих других социальных сетей и приложений привело к созданию особой опции – ежедневных напоминаний пользователю о том, что он делал в этот день в другие годы. Таким образом, Facebook хранит память и выполняет функции личного дневника в новом, цифровом формате (Dalsgaard 2016; Miller, Sinanan 2017).

Сохранность народной традиции в России и Болгарии

В этой статье мы посмотрим, как проходит процесс восстановления фактов памяти о народной духовной и материальной культуре – фольклоре, обрядности, костюмах, ремеслах и пр. Это исследование вписывается в рамки широкой этнолингвистики, по терминологии Никиты Ильича Толстого (Толстой 1995: 27). Этнолингвистические исследования допускают «уклон» в одну из основных составляющих данной дисциплины, и мы сосредоточим наше внимание на некоторых фактах реконструкции обрядов и фольклора в нынешнем российском и болгарском обществе. Для нас важен вопрос, является ли обрядность ценностным конструктом в современном обществе, какие ее компоненты актуальны в новом мире.

Сравнение российской и болгарской ситуации в области народно-культурной традиции выявляет и сходства, и различия. Общими тенденциями являются поиски маркеров идентичности в прошлом; мода на

аутентичное, национальное; западные влияния (как результат – модификация традиции); невероятный масштаб информационной поддержки инициативы и коммерциализация «народной памяти».

Схематически отметив общее, обратимся к отличиям – ведь особый интерес для исследователя представляют поиски несходного в двух близких культурах с родственными славянскими языками, православием, социалистическим и постсоциалистическим опытом. Народные традиционные культуры в современной России и Болгарии значительно отличаются друг от друга с точки зрения своей сохранности, распространенности и востребованности. Возможно, это связано с тем, что Болгария – более патриархальная страна, с поздним развитием модернизации и процессом урбанизации. Кроме того, народные традиции в Болгарии были учтены и успешно сохранены при составлении социалистического календаря. Так, после 1944 года народный праздник Бабин день[3] (21.01) стал Днем родовспоможения, День св. Трифона[4] (14.02) – Днем виноградаря, и даже в официальные праздничные сценарии включались элементы народной обрядности. Остается популярным зимнее ряженье (*сурвакари*, *кукери*), ему посвящен фестиваль масок «Сурва» в Пернике (впервые состоялся в 1967 году, см. http://www.surva.org/), в наши дни превратившийся в грандиозное международное культурное событие.

Во многих болгарских семьях помнят и исполняют некоторые календарные обряды, магические ритуалы, связанные с рождением ребенка, вступлением в брак и, конечно, погребением (см. ниже). Сельская *слава, събор*, ритуальный комплекс *курбан* поддерживаются в определенной местности даже после исчезновения населенного пункта, куда на этот праздник съезжаются болгары со всей страны и даже из-за границы (Khristov 2014: 53–64). В болгарском обществе сохранилось почитание крестного (*кум*) и поддержание с ним ритуального общения на протяжении всей жизни. До сих пор в городах и селах распространено церемониальное приглашение крестного как одного из главных обрядовых лиц на свадьбу, а затем и на крестины детей. В повседневных разговорах апелляция к традиционным верованиям и обычаям – частое явление у болгар. Например, строго сохраняется родовое именование в честь дедушки или бабушки, хотя бы с использованием одного слога или первой буквы их имени, и рассказы о выборе имени с учетом различных обстоятельств рождения становятся семейными нарративами. Церковные праздники, не подвергавшиеся в НРБ столь сильным запретам, как

[3] Подробнее об обрядности этого дня см. (СД 1–5, с. v. Бабин день).
[4] Подробнее об обрядности этого дня см. (СД 1–5, с. v. Св. Трифон).

в СССР, отчасти сохранились именно благодаря болгарскому (и балканскому) культу имени собственного. Так, Вербное Воскресение (болг. *Цветница*) служит общим праздником для всех людей, носящих имена, ассоциирующиеся с растениями, – а таковых в Болгарии почти треть населения. Прекрасно сохраняются и постоянно используются в речи вербальные формулы – поздравления, благопожелания, – обязательные при получении известия о рождении ребенка, вступлении в брак. Эти формулы строго клишированы и содержат архаические компоненты – пожелания крепости, здоровья (об обязательности произнесения традиционных этикетных формул в ответ на определенные слова-стимулы см. Седакова 2007: 159–160). В России сохраняются преимущественно поминальные формулы («Пусть земля будет пухом», «Вечная память» и др.), тогда как поздравления хотя и имеют набор обязательных мотивов, но отличаются меньшей устойчивостью и большей вариативностью.

Заметные различия можно фиксировать в сфере традиционного костюма[5], обрядовых блюд, народной песни, танца. Так, все болгары умеют танцевать *хоро*, и все праздники – вплоть до государственных – заканчиваются массовым исполнением этого танца. Знание народных танцев и песен в России, как нам кажется, несколько хуже. Показательным фактом служит то, что болгары в миграции создают ансамбли для детей и взрослых, в репертуар которых входят фольклорные песни и танцы (см. проект «Ултурно наследство в миграция», страница Facebook). Это стало практически обязательным для каждой болгарской диаспоры и служит важным маркером идентичности.

В России народные обряды, если они и фиксируются в некоторых регионах, не вошли в официальный календарь и не стали государственными праздниками, память о них редко сохраняется в семьях. Различия в праздновании обусловлены еще и тем, что современный русский календарь более церковный. Болгары, считающие себя православными, придерживаются народной версии календаря, поэтому даже в церковные праздники (Рождество, Богоявление, Пасха, Успение, Воздвижение) на

[5] Народный костюм в Болгарии – не такое «экзотическое» явление, как в России, скажем, кокошник (ср. массовое обсуждение этого головного убора во время Чемпионата мира по футболу в России в 2018 году https://rg.ru/2018/07/14/pochemu-kokoshnik-vdrug-stal-tak-populiaren-vo-vremia-chempionat-mira.html). У русских традиционный костюм исчез из употребления (за исключением сцены и представлений), тогда как в Украине *вышиванка*, *венок* являются ярким маркером идентичности (то же и в западных европейских странах, в Чехии, странах Балтии, где костюмы разных регионов тщательно сохраняются и изготавливаются даже для младенцев). О ритуальных функциях народной одежды в наши дни см. специальный выпуск журнала *Folklore*. Electronic Journal of Folklore. # 66. 2016.

первое место выходят архаические представления и народные ритуалы (Седакова 2018: 101–102). При сравнении праздников надо иметь в виду и тот факт, что Болгарская православная церковь следует григорианскому календарю, а Русская – юлианскому.

Активизация народно-культурной памяти в календаре

Перечень российско-болгарских различий в области сохранности традиции можно продолжать, но в силу ограничения объема рамками статьи мы переходим к конкретному анализу некоторых моделей активизации народно-культурной памяти. На примере Крещения[6] (Богоявления) рассмотрим различия между современным развитием этих праздников в России и Болгарии. Крещение в двух церквях и в двух народных версиях празднования связано с водой и очистительными обрядами. Не останавливаясь подробно на всем комплексе празднования, отметим, что в России в последние годы на первый план нередко выходит крещенское купание в ледяной воде. Это совершенно необязательное действие, не соотносящееся с церковными службами, приняло массовый характер – вплоть до того, что в Москве вблизи Красной площади устанавливают купель, в которой купаются известные политики. Вокруг этого ритуала образовалось множество суеверий, истолкований и интернет-фольклорных произведений[7] (Седакова, в печати).

В Болгарии, как и в других балканских странах, центральным моментом обрядового комплекса Богоявления был и остается ритуал бросания креста в воду священником (у реки, на берегу озера, моря). Молодые неженатые люди ныряют в воду, чтобы достать крест, и тот, в чьих руках он оказывается, становится «царем» молодежи на весь год. С начала XXI века одним из популярных ритуалов Богоявления стало *ледено хоро* («ледяное хоро») – исполнение в реке Тунджа народного танца мужчинами в народной одежде и с национальным флагом Болгарии в руках. Подобный ритуал исполняется лишь в одном городе – Калофере. Скорее всего, этот танец не имеет корней в болгарской традиции, однако он очень быстро стал весьма популярным в стране, широко обсуждается в прессе и интернете и воспринимается многими как исконный элемент обрядности Богоявления. Такие компоненты, как народный костюм,

[6] Подробнее об обрядности этого дня см. (СД 1–5, с. v. Крещение, Святки).

[7] Ср. анекдот, опубликованный в интернете в 2018 году: «Доктор, у меня всё болит». – «А вы в прорубь окунались?» – «Нет». – «Ну а что вы хотели?» (сайт «Доведи меня до сарказма»).

флаг и сам традиционный танец, апеллируют к болгарской идентичности и ассоциируются с патриотизмом[8] . Существенными моментами в современном праздновании Богоявления нам представляются акцентирование национального («исконно» русского и болгарского) и невероятный всплеск популярности – благодаря тому информационному полю, которое возникло с развитием новых технологий. Однако если купание в проруби – действительно аутентичный компонент празднования Крещения в России, то исполнение *хоро* в реке – это имитация болгарской народно-культурной памяти, изобретенная традиция.

Глобализация и влияние западного праздничного календаря на ритуальный год в России и Болгарии вызывают к жизни определенные механизмы актуализации памяти, трансформации или изобретения фрагментов народной культуры. Так, День св. Валентина внес коррективы и в российский, и в болгарский ритуальный год. В Болгарии 14 февраля – День виноградаря, и основные мотивы двух праздников – вино и влюбленность – хорошо дополняют друг друга. Это принимают многие болгары, публикуя в Facebook поздравления и пожелания быть «пьяными от вина и от любви», иметь в доме «бочки вина и возлюбленную». И хотя не все болгары одобряют относительно новый праздник[9], но синкретизм уже очевиден, и западный праздник служит своеобразным напоминанием о традиционной болгарской обрядности. В России празднование Дня св. Валентина «вписалось» в официальный цикл гендерных праздников (23 февраля, День защитника Отечества, и 8 марта, Международный женский день). Однако, как нам кажется, он вызвал к жизни новый государственный праздник, призванный противостоять западному и апеллировать к российской культурной памяти. Именно альтернативой Дню св. Валентина стал всероссийский День семьи, любви и верности, который с 2008 года отмечается 8 июля, в день памяти муромских святых – Петра и Февронии. Праздник удивительно быстро прижился в российском календаре, поскольку он основан на народно-православном почитании святых – покровителей брака и чадородия, и воспринимается (хотя и не всеми) как оправданное обновление исторической и культурной памяти.

[8] В болгарском интернете появилась информация о том, что дошкольников, одетых в национальные костюмы, учат танцевать хоро в бассейнах. Представитель городской управы г. Пловдив Димитър Колев разместил на своей странице в Facebook фотографии детей в бассейне с подписью: «В очередной раз я имел удовольствие присутствовать на великом христианском празднике Богоявления в двух детских садах. Я благодарю воспитателей и священника о. Пантелеймона за то, что они хранят народные традиции и передают их младшему поколению».

[9] На страницах Facebook 14 февраля многие призывают праздновать исконно болгарский праздник – День св. Трифона.

Старые/новые поминальные практики

В семантику слова *память* и болг. *памет* входит «память об умерших», которое лексикографы выделяют как отдельное значение. Эта память связана с церковными ритуалами поминовения, панихидами; ср. *память* как обозначение дня святого (рус. «Сегодня память преп. Сергия Радонежского», болг. «Днес почитаме паметта на Свети Наум Охридски»). В народной традиции обряд поминовения обозначается специальными терминами: рус. *поминки*, болг. *помен* и включает в себя ряд обрядовых церковных и народно-православных актов (Седакова О. 2004: 90–94; Вакарелски 1990: 142).

Обращает на себя внимание развитие новых поминальных практик в Болгарии. Ритуальное ежедневное поминовение усопших на могилах – яркая черта патриархального болгарского общества. В селах, где кладбища находятся в пешей доступности, после смерти близкого его родные до девяти дней ходят дважды в день (после сорока дней – один раз в день) на могилу, совершая там ритуалы поминовения: возжигают свечи, поливают могилу вином (водой). Эту практику мы наблюдали еще в 1980-е годы в диаспоре в бессарабских болгарских селах; сохранилась она вплоть до последних лет в метрополии. В городском пространстве с его ритмом жизни ежедневное выполнение поминальных практик для работающих людей невозможно; поэтому поминовения на кладбище совершаются раз в неделю, в субботу, до одного года со дня смерти близкого. Интересна относительно новая практика – по моим сведениям, еще не описанная этнологами, – которую мы впервые наблюдали в центральном храме св. Недели в Софии. В отдельном помещении в церкви (*кандило*) на стене расположен длинный ряд фотографий, рядом с которыми зажжены свечи. На фотографиях указаны имена и дата, до которой будет совершаться поминовение (иллюстрация 1).

Подобный угол в коридоре притвора с фотографиями и электрическими лампочками в форме свечей мы наблюдали в церкви св. Кирилла и Мефодия возле так называемого «женского базара» в Софии (иллюстрация 2).

В других церквях Софии таких форм поминовения мы пока что не увидели. Никто из опрашиваемых коллег прокомментировать это явление не смог. Мы полагаемся лишь на краткие ответы церковных служительниц, которые на наши вопросы отвечали неохотно и только сообщили, что, действительно, такие поминовения получили развитие лишь с 2000 года и что, поскольку людям некогда ездить «на кладбище и зажигать на могиле свечи, мы делаем это за них в церкви». Новая

Иллюстрация 1. Помещение для поминовения (*кандило*) в храме св. Недели, София. Ноябрь 2018. Фото И.А. Седаковой.

Иллюстрация 2. Помещение для поминовения (*кандило*) в церкви св. Кирилла и Мефодия, София. Ноябрь 2018. Фото И.А. Седаковой.

форма ритуала поминовения, безусловно, базируется на традиционном обряде, но он перенесен в церковь и – что удивительно – включает в себя размещение фотографии покойного (покойных), не обязательно прихожанина данного храма.

В целом же надо говорить еще и о глобализованной практике поминовения с использованием традиционных элементов, которая получила в последние годы особое развитие. Жертв Голодомора, Холокоста, терактов (Нью-Йорк – 11 сентября 2001 года; Беслан – 1 сентября 2004 года) и других трагических событий массово поминают во всем мире благодаря возможностям интернета. Визуальным символом памяти становится свеча: она вместила в себя поминальную символику и замещает или дополняет слова и конструкции наподобие «Вечная память» (Sedakova 2015: 148).

(Не)знание традиции и коммерциализация народной памяти

Как и во всем мире, в России и Болгарии немало теорий и специальных сайтов с «удревлением» традиций, фальсификацией истории[10]. Для Болгарии особенно типичны сенсационные археологические «находки», коррелирующие с народными верованиями (например, обнаружение скелета вампира с осиновым колом в области сердца на раскопках в Созополе в 2012 году). Существенно то, что подобные факты коммерциализируются, становятся своеобразным локальным брендом и используются для привлечения туристов (http://poseti.guide-bulgaria.com/a/1173/sozopols_vampire.htm).

В России запущена официальная программа по развитию в регионах «легенды» и созданию туристических брендов; для этого сказочные и мифологические персонажи – баба Яга, мышка-норушка, Колобок, Кощей Бессмертный, леший, домовой – «прописываются» в русской провинции, а вокруг них создается (изобретается) праздничный календарь с соответствующей обрядностью (проект «Сказочная карта России», https://ria.ru/20110318/438423795.html). Традиционные красочные праздники (Рождество, Масленица, Иван Купала) в последние двадцать лет стали важной темой в российской туристической индустрии; см. подробнее (Седакова, в печати). В некоторых городах эти праздники носят аутентичный характер, но с элементами сценичной зрелищности

[10] Интересно, что такие идеи разделяют и пропагандируют болгары в эмиграции (https://www.bulgarianassociation.co.uk/bg/glavnite-praznici-v-bulgarskia-kalendar/).

(что показали, например, наши наблюдения Масленицы в Переславле Залесском в 2012 году), хотя нередко представления уходят очень далеко от фактов традиции и становятся фактами поп-культуры. Эту модель актуализации памяти очень хорошо описал Ежи Бартминьский в своем докладе об аутентичном и переработанном вариантах исполнения польской народной песни на Третьем всероссийском конгрессе фольклористов в 2014 году.

Заключение

Наше исследование современного ритуального дискурса показывает, что компоненты народной культуры обладают особой ценностью и привлекательностью. Избирательность памяти в отношении традиционных обрядов и ритуалов и вариативность форм их воссоздания во многом зависят от идеологии, ценностных установок общества и других факторов. Мы обозначили, что Россия и Болгария в постсоветское время оказались в разных стартовых позициях для реконструкции традиционной культуры, с учетом 70-летней истории социализма в России и 40-летней в Болгарии. Продолжением болгарской традиции региональных описаний (Милев 1990; Тетово 1995) служат страницы и группы жителей одного села, города в социальных сетях. Индивидуальный интерес к диалекту, фольклору и обрядам «малой родины» находит отражение и поддерживается в интернете. И в России, и в Болгарии заметна публичная активность специалистов по фольклору и обрядам (музыковедов, этнологов, фольклористов). Так, Веселка Тончева из Института этнологии и фольклора с музеем БАН, эксперт в области традиционной культуры, популяризирует народные праздники и обычаи на своей странице в Facebook. Она стала создателем коммерческой фирмы «Вричане» по организации свадьбы в народном стиле, и эта форма празднования оказалась весьма востребованной. В России также многие специалисты – фольклористы и этнолингвисты из разных регионов – регулярно публикуют сведения о народном календаре, фольклоре, новых записях, экспедициях и т. п.

Предварительные наблюдения позволяют сделать вывод о многообразии типов воплощения традиционной памяти (стремление к аутентичности, видоизменение ритуала, забвение некоторых его деталей, акцентирование инноваций и зрелищных элементов). Наблюдается и активное изобретение традиции, заимствование инокультурных ритуальных комплексов и даже сознательный отход от «классических» форм, в которых

культурная память может присутствовать апофатически, позволяя исследователю реконструировать «старинное» состояние. Важную роль играет политика ЮНЕСКО в определении памятников культурного наследия: в эти списки входит всё больше фактов народной традиции. Включение обряда или другого явления народной культуры в список нематериального всемирного наследия способствует его развитию, коммерциализации и превращению его в туристический бренд. Результатом становится забвение первоначального содержания и отказ от аутентичной формы, что мы можем видеть на примере развития нестинарства[11], мартениц[12] и фестиваля «Сурва» в Болгарии.

Литература

Вакарелски Хр., 1990, *Български погребални обичаи. Сравнително изучаване.* София: Издателство на Българската академия на науките.

БЕР, 1996, *Български етимологичен речник.* Т. 5. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов».

БТР, 1973, *Български тълковен речник.* София: Наука и изкуство.

Милев И., 1990, *Гърмен. История, материална и духовна култура, фолклор.* София: Орбел.

Михайловска Е., 1999, *Памет и преход.* София: УИ «Св. Климент Охридски».

СД 1–5, 1995–2012, *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* Т. 1–5. М..

Седакова И.А., 2007, *Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст.* М.: Индрик.

Седакова И., 2018, *Болгарский vs русский православный праздничный год в XXI веке // Чрез миналото към бъдещото. Сборник в чест на проф. днк Маргарита Карамихова* / Съст. Петко Ст. Петков. София: Просвета. С. 97–112.

Седакова И. А., в печати, *Лингвокультурная ситуация в России и Болгарии: XXI век.* М.: Индрик.

Седакова О. А., 2004, *Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян.* М.: Индрик.

Степанова Е., 2018, *Памяти памяти.* М.: Новое издательство.

Тетово, 1995, *Тетово. Теренни материали и проучвания.* Русе: НЦФЛ Св. Димитър Басарбовски.

[11] Нестинарство (хождение по углям с иконами после церковной службы) распространено в Болгарии всего лишь в нескольких селах юго-восточной Болгарии и приурочено к Дню св. Константина и Елены (СД 1–5, с. v. **Нестинарство**). В наши дни хождение по углям исполняется вне календарной привязанности в туристических объектах и ресторанах.

[12] Мартеницы – белые и красные нити, которыми обмениваются болгары (и другие балканские народы) в День 1 Марта, праздник весны. Изготовление мартениц приобрело промышленный размах; есть даже китайские мартеницы (*Made in China*), что особенно возмущает болгар.

Толстая С. М., 2009, *Этимология и семантическая типология:* забыть *и* запомнить // *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику.* (Нови Сад). Књ. 52. Св. 1. С. 77–85.

Толстой Н. И., 1995, *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.* М.: Индрик.

Фасмер М., 1986–1987, *Этимологический словарь русского языка.* М.: Прогресс.

Dalsgaard S., 2016, *Ethnographic Usage of Facebook in Everyday Life. Anthropological Forum.* – In: *A Journal of Social Anthropology and Comparative Sociology.* P. 96–114.

Khristov P, 2014, *Family Ritual Process and the Sacred Places (The Celebration of 'Svetac' in the Bulgarian-Serbian Borderlands).* – In: Đorđević, D., D. Todorović and D. Krstić (eds.) *Cult Places on the Border.* Niš: Junir. P. 53–64.

Miller, D. and J. Sinanan, 2017, *Visualising Facebook: A Comparative Perspective.* [Why we post]. UCLPress.

Sedakova I., 2015, *Magico-Religious Symbolism of a Candle in the Slavic Calendar Rituals // The Ritual Year 10. Magic in Ritual. Ritual in Magic.* Innsbruck; Tartu: ELM. P. 141–151.

The memory of national-cultural tradition in contemporary ritualistic discourse

Memory belongs to the most frequently used concepts in contemporary Russian and Bulgarian discourses. It is treated as the highest individual and collective value, an inalienable feature of the society's humanistic, intellectual, and spiritual development.

Special attention is paid to research on folklore and ethnography, with a focus on the processes in which the memory of folk tradition is viewed as a sociocultural value. Data from Russian and Bulgarian culture have been carefully examined to discover the reasons why memory comes in variants and why facts in the process of revitalization are treated selectively. Cyclic annual rituals and those commemorating the deceased have been analysed to discover the basic models of actualizing folk memory (modification of old and emergence of new traditions) and shed light on the commercial aspect of memory (tourist attractions, shows, and performances).

Key words: memory; commemorating the deceased; ethnolinguistics; folk culture; holidays; Orthodox Christianity; Facebook, Russia; Bulgaria